

УДК 343.23|04|141

Б. А. Молчанов, д-р юрид. наук профессор, Российский университет Дружбы народов (Москва, Россия) (e-mail: bamvi@bk.ru)

М. В. Новиков, канд. юрид. наук, доцент, Юридический институт Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир, Россия) (e-mail: m_novikov@mail.ru)

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ ГОСУДАРСТВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

В статье в рамках сравнительного правоведения подробно анализируются вопросы становления и развития уголовного законодательства в странах средневековой Европы о субъекте и субъективных признаках состава преступления. Авторы отмечают, что уровень развития культуры и государственности в каждом обществе и его властных структурах в целом зависит от отношения общества и государства к лицам, совершившим противоправные, уголовно-наказуемые деяния.

На материалах уголовного права в государствах Древнего мира и средневековья – Древнем Риме, Древней Греции и др., в правоприменительной практике имело место объективное вменение. Это в период средневековья с появлением новых государств вело к необходимости усиления в них авторитета государственной власти, укрепления государственности, а, следовательно, – делегирования государству права защиты интересов личности и общества, созданию нового уголовного законодательства и его институтов.

С ликвидацией многих общественных и государственных институтов уцелела церковь, которая, с одной стороны, способствовала сохранению научных достижений Древнего мира, а, с другой – лишила науку свободы критического отношения к изучаемым вопросам. Философия и юриспруденция подчинились теологии. Уголовно-правовые институты могли развиваться только в направлении, одобряемом церковью. При таких условиях идея защиты прав личности, субъективного вменения и условий вменяемости не могли получить широкого практического применения.

После образования государств объективное вменение было необходимо для отказа от кровной мести и делегирования судебной власти от общества к государству. Этому способствовало и накопление знаний об окружающем мире, более полное понимание причинности происходящего. С политической точки зрения теология (христианское учение) воздействовала на уголовно-правовую политику средневековых государств.

Законодатель регламентировал круг субъектов преступления. В X - XI веках в Европе происходит своеобразная рецепция античных идей субъективного вменения. Появилось деление преступлений на умышленные и не предумышленные. Принцип личной виновной ответственности напрямую связан с вопросом о субъекте преступления. Преступниками объявлялись не только убийцы, насильники, воры, мошенники и прочие. Судебная практика многих времен и народов дает нам многочисленные примеры, подтверждающие существование взглядов на животное как субъект преступления.

Определялись возрастные границы юридической ответственности. Несоввершеннолетие (не достижение социальной зрелости), а иногда и старость рассматривались причиной невменения преступления в вину субъекту. Субъекты, не достигшие 14-летнего возраста, не могли подвергаться смертной казни, за исключением случаев, когда «злость может восполнить недостаток возраста». Авторы отмечают, что средневековая юриспруденция и медицина в своих исследованиях руководствовались интересами здоровых лиц и регламентировали особенности их правоспособности, наличия слабоумия и душевных болезней и т.д.

Шагом вперед для правового положения субъекта преступления стало смягчение в некоторых случаях наказания при отсутствии вины субъекта преступления, закрепление в законодательстве уголовно-правового значения мотива преступления, умысла и некоторых др. субъективных признаков.

Анализ памятников права средневековых европейских государств свидетельствует о том, что законодатель рассматриваемого периода еще не сформулировал общие признаки субъекта преступления, не знал уголовно-правового понятия вменяемости. Но необходимость в разрешении этой проблемы уже имела место.

Таким образом, в научном сочинении исследована сущность уголовно-правового значения субъективных признаков состава преступления, его место в уголовном праве и правоприменительной практике; дан анализ дискуссионным вопросам в данной сфере. При написании научной статьи авторами использована научная литературы как зарубежных, так и российских авторов, государств Древнего мира и средневековой Европы.

Ключевые слова: субъект преступления, субъективное вменение, сравнительное правоведение, средневековая Европа, Эклога, Законы короля Кнута.

DOI: 10.21869/2223-1560-2017-21-3-167-175

Ссылка для цитирования: Молчанов Б. А., Новиков М. В. Субъективные признаки составов преступлений в законодательствах государств средневековой Европы // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 21, № 3(72). С. 167-175.

В зависимости от отношения общества и государства к лицам, совершившим противоправные деяния, можно судить об уровне развития культуры и государственности в целом. Так, в государствах Древнего мира – Древнем Риме, Древней Греции и др., имело место объективное вменение. Но некоторые субъективные свойства субъекта преступления уже находили отражение в источниках права древних государств и в политико-правовой мысли. С 476 г., после падения Римской Империи, начался новый исторический период – средневековье: появление новых государств вело к необходимости усиления в них авторитета и укрепления государственной власти, укрепления государственности, а, следовательно, – делегирования государству права защиты интересов личности и общества, созданию нового уголовного законодательства.

При ликвидации многих общественных и государственных институтов уцелела церковь. С одной стороны, она способствовала сохранению научных достижений Древнего мира, а, с другой – лишила науку свободы критического отношения к изучаемым вопросам. Философия и юриспруденция подчинились теологии. О божественном понимании происхождения права в Средние века можно судить по преамбуле в Эклоге (Византия, VIII в. н.э.); прологу I в Салической правде; ст. 1 в Великой хартии вольностей (Англия, XIII в.); ст. 7 Закона в пользу духовных князей (Германия, XIII в.); Кн. 1, ст. 1. Саксонского зеркала [1].

Соответственно, уголовно-правовая мысль могла развиваться только в на-

правлении, одобряемом церковью. В условиях, когда народ был бесправен и необразован, а духовенство и дворянство, находясь в привилегированном положении, зачастую избегали уголовной ответственности, идея защиты прав личности, субъективного вменения и условий вменяемости не могли получить широкого практического применения. Так, согласно ст. 11 титула XVII Эклоги, уголовная ответственность дифференцируется в зависимости от имущественного положения субъекта преступления: в случае кражи состоятельный виновник несет только имущественную ответственность (гражданско-правовую) перед собственником украденного, а неимущий – подвергается телесному наказанию и изгнанию (уголовно-правовая ответственность).

В законодательстве средневековых государств, как и в государствах Древнего мира, продолжало иметь место объективное вменение, о чем свидетельствуют, например, нормы покаянных канонов Анцирского собора 314 г., Салической правды древнегерманских государств и византийской Эклоги (датируется XIII в.), что также не способствовало формированию и закреплению понятия вменяемости и его условий. Ответственность наступала за любые противоправные действия вне зависимости от субъективных условий деяния.

Исследователи причин объективного вменения его истоки видят в том, что человек с догосударственных времен, в силу психических особенностей, привык реагировать ударом на удар, злом на зло. А после образования государств объективное вменение было необходимо для

отказа от кровной мести и делегирования судебной власти от общества к государству [2].

С интеллектуальной точки зрения отказу от кровной мести в период Средневековья способствовало накопление знаний об окружающем мире, более полное понимание причинности происходящего. С политической точки зрения, оказала влияние теология (христианское учение), воздействовавшая на уголовно-правовую политику средневековых государств.

У законодателя появилась потребность точнее, чем это было в древности, регламентировать круг субъектов преступления, хотя наказанию порой подлежали животные и неодушевленные предметы. Так, в X - XI веках в Европе происходит своеобразная рецепция античных идей субъективного вменения. Появилось деление преступлений на умышленные и не предумышленные. Принцип личной виновной ответственности напрямую связан с вопросом о том, кто является преступником. Преступниками объявлялись не только убийцы, насильники, воры, мошенники и прочие. Профессор Б.А.Спасенников подчеркивает, что «правоведы цивилизованных в правовом отношении стран под субъектом преступления понимают не только лицо физическое, но и юридическое, не только человека, но и животное» [3, с. 13].

Судебная практика многих времен и народов представляет многочисленные примеры, подтверждающие существование взглядов на животное как субъект преступления. По законам зороастризма собака за укушение человека должна быть лишена правого уха, за повторение — левого; если она и после этого не исправится, то ей отрубают хвост, потом, при дальнейшем повторении, — одну, другую лапу и, наконец, лишают жизни.

История права содержит свидетельства того, что существовала даже различная подсудность для животных — домаш-

них, приручаемых (собаки, лошади и др.) и тех, которые «не поддаются власти человека» (насекомые, мыши и др.). Первые подлежали суду светскому, вторые — церковному. Мы полагаем, что при этом суд не рассматривал проблемы вменяемости животных и насекомых, которых он судил. Так, например, в 1313 году во Франции, в местечке Моази-Ле-Тампля, разъяренный бык, вырвавшийся из стойла, ударил рогами случайного прохожего, погибшего на месте получения травмы. Граф Карл де-Валуа издал повеление об аресте быка и производстве над ним суда. Чиновник графа, проведя следствие (осмотрев место происшествия, тело погибшего, собрав свидетельства очевидцев), приговорил быка к повешению. Казнь была исполнена на месте убийства.

Шаранж в *Dictionnaire des titres originaux* приводит счет палача города Фалега виконту этого города по оплате расходов по выполнению приговора смертной казни через повешение свиньи, съевшей ребенка Жонне де-Массона, в размере 10 французских су и 10 турецких лир. В 1497 году свинья, «которая съела подбородок одного дитяти» в городе Шароне, была приговорена судом к смерти, «чтобы мясо ее было разсечено на куски и брошено собакам» [4, с. 296].

Эти и подобные приговоры были результатом точного исполнения процессуальных норм, общих для животного и человека (животное, причинившее смерть человеку, подвергалось аресту при тюрьме того города, где производился суд; прокурор составлял обвинительный акт, который выслушивался в назначенный день, допрашивались свидетели, и затем суд произносил приговор о виновности и наказании). Использование этих норм доходило до того, что в 1474 году в городе Базель был осужден на сожжение петух за то, что он «снес яйцо» и тем самым навлек на себя подозрение в связи с дьяволом.

Судебные разбирательства над саранчой, гусеницами, мышами, крысами, которые наносили вред, убытки посевам, проходившие в церковном суде, особенно католическом, отличались тонкостью исполнения процессуальных норм. Такие процессы имели место в XIV, XV, XVI и даже XVII столетиях. Так, в 1522—1530 годах мыши до того размножились в епископстве Отенском, что опустошили поля, и жители стали опасаться голода. Когда обычные средства избавиться от этих животных оказались недостаточными, они обратились с просьбой в церковный суд, чтобы он совершил экскомуникацию мышей. Мыши были приглашены явиться. Первая неявка была обращена против них, и обвинитель потребовал приступить к окончательному решению.

Адвокат мышей в числе причин отсрочки вердикта сослался на то, что не все его подзащитные (мыши) получили уведомление о вызове в суд вследствие большого ареала их распространения. Этим доводом он добился второго оповещения, которое было сделано с кафедры каждого церковного прихода. После второй неявки мышей приговор суда состоял из их проклятия и отлучения от церкви.

В царствование Франциска I во Франции суд местечка Компьен 9 июня 1566 года постановил: «Выслушав стороны и признавая справедливую жалобу жителей, предлагаем гусеницам удалиться в течение шести дней, в случае же неисполнения сего объявляем их проклятыми и отлученными от церкви» [4, с. 298]. Так реализовывался принцип ответственности всякого, причинившего вред.

В отдельных случаях регламентировались субъективные признаки деяния, но принцип личной виновной ответственности вменяемого лица еще не мог иметь места. По Правде короля Альфреда (IX в.), в ст. 13 субъектом «неумышленного» убийства признавалось дерево [2, с. 484-485], как это было в законодательстве

древних государств. А Правда короля Этельберга англосаксонского государства (VI в.) делила субъектов преступления на свободных и рабов, наказание субъектов преступления носило дифференцированный характер. В Салической правде (составлена на рубеже V – VI вв.) дифференциация субъектов преступления также проводилась в зависимости от того, свободный или раб совершил противоправное деяние (тогда как в древности рабы не признавались субъектами права) и по этническому признаку: ответственность зависела от того, кто совершил преступление – римлянин или франк [5, с. 579.]. Винчестерский статут (1285 г.) средневековой Англии субъектом преступления признавал общину, невыдавшую грабителя (ст. II).

В законодательстве средневековых западноевропейских государств по вопросам определения круга субъектов преступления и их признаков наметились и положительные моменты. По Салической правде ответственность за животное нес его хозяин, а не животное (гл. XXXVI §1), как это было в древности. В Германии, по Саксонскому зеркалу (1221 – 1225 г.г.) также за вред, причиненный животными, несли ответственность их хозяева, но при этом животное все еще либо изгонялось, либо передавалось потерпевшей стороне (Земское право, кн. 2, ст. 40).

Можно говорить о выделении специального субъекта преступления: в средневековой Византии имели место Земледельческий закон, воинский закон, Морской закон, которые регламентировали ответственность субъекта преступления – земледельца, моряка, воина [6, с. 472]. А в Каролине (1532 г.) специальным субъектом преступления выступали женщина, убившая своего ребенка (ст. CXXXI), самоубийца (ст. CXXXV). Однако в обоих случаях следовала квалифицированная смертная казнь (ст. CXXXVII).

Определялись возрастные границы юридической ответственности. Вплоть до начала XX в. возраст (несовершеннолетие, а иногда и старость) рассматривался как причина невменения преступления в вину субъекту. Лицо, не достигшее социальной зрелости, недостаточно сознательное или потерявшее сознание, освобождалось от ответственности. В ст. 76.2 Законов короля Кнута впервые обосновывалось, почему грудной ребенок не являлся субъектом преступления: он еще не являлся «сознательным». В ст. 68.1 данного документа устанавливалось требование «делать различие между старостью и молодостью, богатством и бедностью, свободным и рабом, здоровьем и болезнью» [7, с. 654]. В Эклоге возраст уголовной ответственности (с 12 лет) отличался от возраста наступления гражданской правоспособности. А затем только по Каролине (1532 г.), субъекты, не достигшие 14-летнего возраста, не могли подвергаться смертной казни, за исключением случаев, когда «злость может восполнить недостаток возраста».

Из приведенных примеров видно, что возрастные ограничения вменения законодатель устанавливал с учетом уровня сознания субъекта преступления, который определялся его социальной зрелостью, готовностью отвечать за свои деяния. Но упоминания необходимости сознания субъекта преступления для привлечения его к ответственности влияла в некоторых случаях на установление вины здорового человека, а не была направлена на защиту интересов лиц, совершивших преступление в состоянии психического расстройства.

Средневековая юриспруденция, как и средневековая медицина, в своих действиях руководствовалась интересами здоровых лиц и регламентировала особенности их правоспособности. Еще в Древнем Риме и Древней Греции уделялось внимание установлению возраста, с которого субъект мог участвовать в граж-

данских правоотношениях. В византийской Эклоге (VIII в.) несовершеннолетними признавались лица мужского пола, не достигшие 15-летнего возраста, и лица женского пола, не достигшие 13-летнего возраста [8, с. 475]. По Винчестерскому статуту (1285 г.) совершеннолетним возрастом являлось 15-летие субъекта, что влияло на участие их в гражданско-правовых отношениях [9, с. 35].

Зафиксировать права слабоумных и душевнобольных законодателя побудила необходимость определять дееспособность участников гражданско-правовых отношений, в том числе претендентов на наследство. Так, в Эклоге конкретизируется уголовно-правовое значение случаев сенсорной депривации: обладатели приобретенной слепоты или глухоты признавались субъектами права, так как осознавали происходящее и «хорошо знали грамоту». Регламентировались врожденная слепота и глухота, которые не позволяли лицу научиться читать и писать, а также сумасшествие, как условия, исключающие участие в гражданских правоотношениях.

В средневековой Германии в Саксонском зерцале (1221 – 1225 гг.) гражданская дееспособность не признавалась за лицами с физическими недостатками – карликами, калеками (Саксонское Зерцало, Земское право, кн. 1, ст. 4), отмечалось так же, что «слабоумных и умалишенных не следует подвергать наказанию» [10, с. 640.]. Вред в этом случае возмещался опекуном.

Акт короля Англии «De praerogative regis» (1255 - 1290) ввел разграничение между помешанным и идиотом, что имело принципиальное значение для имущественных претензий. «Человек, лишенный понимания со своего рождения» – идиот – не имел имущественных прав. Тогда как помешательство рассматривалось как временное состояние умственно полноценного человека, а потому не ограничивало имущественных прав.

Закон и суд защищали «полноценное большинство» от «неполноценного меньшинства» и зачастую причиной был свойственный людям того времени мистический страх перед отличающимися от них лицами. Нередко такие люди становились жертвами инквизиции (хотя, в период Средневековья и стали появляться первые приюты для умалишенных). Вплоть до XVIII в. государство и закон не считали инвалидов полноценными гражданами, поскольку последние не имели возможности участвовать в общественной жизни.

Однако «шагом вперед» для правового положения субъекта преступления стало смягчение, в некоторых случаях, наказания при отсутствии вины субъекта преступления, закрепление в законодательстве уголовно-правового значения мотива преступления, умысла и некоторых других субъективных признаков. Постановления Константинопольского собора 381 г. содержат положения, свидетельствующие о том, что случайное убийство наказывалось тяжким покаянием в течение 5 – 10 лет (в зависимости от отношений, которые существовали между убитым и убийцей), а не смертной казнью.

Законодательство эпохи Карла Великого предписывало смягчение наказания за произвольные действия. Правда короля Этельберга англосаксонского государства (VI в.) при убийстве «без вины» устанавливала штраф. В Эклоге в некоторых случаях упоминалось «знание» о совершаемом и «заведомость» совершаемого, мотив вражды, неопытность, «неосмотрительность, беспечность», «злой умысел», «непреднамеренность» [10, с. 371-388].

Законы короля Кнута четче, чем вышеуказанные англосаксонские правовые акты, регламентировали, что неумышленное деяние «совершенно неравносильно» умышленному. Учитывалось принуждение к преступлению [11, с. 351-

352]. Винчестерский статут (1285 г.) как преступление упоминал небрежное отношение лорда к своим обязанностям (ст. V). В Кутюмах Бовези (1282 г.) в средневековой Франции в казуальной форме, но обращалось внимание на сильное душевное волнение при убийстве (в ссоре, в драке), которое отделялось от обычного убийства [11, с. 397-403].

Каролина (1532 г.), регламентируя наказания для самоубийц (лишение наследства их наследников), указывала на мотивы самоубийцы (ст. CXXXV). Выделялись «умышленный и нарочитый убийца» и субъект, совершивший убийство «в запале и гневе». Однако в обоих случаях следовала смертная казнь разных видов (ст. CXXXVII). В ст. CXLVIII говорилось о заранее обдуманном намерении и злом умысле на преступление. Важно, что регламентировалось «нечаянное лишение жизни... по неловкости, сверх всякого чаяния и против своей воли» (ст. CXLVI). В этом случае субъект освобождался от ответственности, либо заслуживал снисхождения в зависимости от его предусмотрительности. Наличие злого умысла и воли являлось условием привлечения к ответственности женщины, убившей своего ребенка (ст. CXXXI).

Анализ памятников права средневековых европейских государств свидетельствует о том, что законодатель рассматриваемого периода еще не сформулировал общие признаки субъекта преступления, не знал уголовно-правового понятия вменяемости. Но необходимость в разрешении этой проблемы уже имела место.

О том, что проблема регламентации признаков субъекта преступления была актуальна для средневековой Европы, свидетельствуют: 1) коллизии между нормами, устанавливавшими объективное и субъективное вменение; 2) разграничение в некоторых случаях, возраста гражданско-правовой и уголовно-правовой ответ-

ственности; 3) выделение специального субъекта преступления; 4) сословный характер уголовной ответственности; 5) проблема соотношения социального положения «полноценного большинства» и слабоумных, душевнобольных, лиц с физическими недостатками; 6) сопоставление различного отношения лица к совершенному противоправному деянию – умысел, небрежность, намеренность, случайность, – с наличием и размером юридической ответственности. Она разрешалась в соответствии с уровнем развития общественно-политической мысли и особенностей имеющегося исторического опыта, социальных потребностей и государственной политики

С одной стороны, в вопросах регламентации правового положения субъекта права средневековые государства находились под влиянием правопонимания в государствах древнего мира, и в особенности – рецепции римского частного права, в котором были закреплены возраст, с которого наступала юридическая ответственность, недееспособность сумасшедших, зависимость наказания преимущественно от социальной ценности защищаемого блага. С другой стороны, в средневековых государствах не получили развитие прогрессивные идеи мыслителей древности о равенстве всех перед законом, личной ответственности виновного. Средневековое законодательство умалчивало о влиянии на субъект преступления его внутренних потребностей и внешних обстоятельств, которые не учитывались в законодательстве Древних государств Европы, но на которые указывали Платон, Аристотель, Цицерон, Сенека, Эпикур и другие.

Причины непривлечения несовершеннолетних и умалишенных к ответственности (понятия, обозначенные в Древнем Риме), видимо благодаря глоссаторам, получили более подробное толкование. В законодательстве различных европейских государств периода Средневековья – ан-

глосаксонских государствах, Франции, Германии, Руси – преобладающим стало субъективное, а не объективное вменение. Именно с этого времени можно говорить о необходимости выделения признаков субъекта преступления. В большинстве случаев под субъектом преступления средневековый законодатель в Европе понимал физическое лицо, важнейшим признаком которого являлось достижение возраста юридической ответственности.

Из казуально изложенных норм в памятниках права рассматриваемого периода следует, что при вменении преступления учитывалась социальная зрелость, определяющая уровень сознания субъекта преступления. Отсюда следовало и непривлечение к ответственности лиц с психическими недостатками и отсутствием сознания совершаемого (к которым добавлялось отношение общества к ним как к «неполноценным»).

Волевой признак субъекта преступления, хотя и рассматривался еще в Древний период государственности, в законодательстве периода средневековья как признак субъекта преступления, упоминался реже, чем необходимость достижения сознательного возраста, хотя об этом признаке неоднократно упоминалось мыслителями Древности и Средневековья. Только в Каролине воля рассматривается как обязательный признак для квалификации некоторых преступлений.

Список литературы

1. Винчестерский статут // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1. Древний мир и средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.
2. Законы короля Кнута // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1. Древний мир и средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.

3. Спасенников Б.А. Правовая антропология (уголовно-правовой аспект) / под ред. засл. деятеля науки РФ, докт. юрид. наук, проф. И.Я.Козаченко. Архангельск, 2001.

4. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Киев, 1882.

5. Кутюмы Бовези. Гл. 30, § 828. //Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1. Древний мир и средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.

6. Правда короля Альфреда. Ст. 13. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1. Древний мир и средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.

7. Саксонское зеркало. Земское право. Кн. 3, ст. 3. // Хрестоматия по истории гос-

ударства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1. Древний мир и средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.

8. Салическая правда. Гл. XIV, § 2, 3.; гл. XI, XII // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1. Древний мир и средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.

9. Фельдштейн Г.С. Учение о формах виновности в уголовном праве. М., 1903.

10. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1. Древний мир и средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.

11. Эклога. Титул V, ст. 1. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1. Древний мир и средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2003.

Поступила в редакцию 14.04.17

UDC 343.23|04|141

B.A. Molchanov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Russian University of Friendship of Peoples (Moscow, Russia) (e-mail: bamvi@bk.ru)

M. V. Novikov, Candidate of Juridical sciences, Associate Professor, Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovych (Vladimir, Russia) (e-mail: m_novikov@mail.ru)

SUBJECTIVE SIGNS OF THE COMPOSITION OF CRIMES IN THE LAWS OF THE STATES OF MEDIEVAL EUROPE

The paper discusses formation and development of criminal legislation on the subject and subjective signs of the crime in the countries of medieval Europe within the comparative jurisprudence. The authors note that the level of culture and statehood in any society and its government bodies as a whole depends on the attitude of the society and the state to those who committed unlawful, criminally punishable acts.

On the materials of criminal law in the Ancient World and the Middle Ages (Ancient Rome, Ancient Greece, etc.) a strict liability was in law-enforcement practice. New states were formed during the Middle Ages. That led to the need of strengthening their authority of state power and statehood. Consequently, the state got the right to protect the interests of the individual and society, and the right to creation a new criminal legislation and its institutions.

The church survived after liquidation of many public and state institutions. On the one hand, it contributed to the preservation of scientific achievements of the Ancient World. On the other hand, the church deprived science of free critical attitude to the issues under study. Philosophy and jurisprudence were based on theology. Criminal-legal institutions could be developed only in the direction, which had been approved by the church. Clearly, the idea of protecting the rights of the individual, strict liability and conditions of sanity could not be widely applied.

As soon as the states were originated, strict liability was necessary to stop the blood feud and delegation of the judiciary from the society to the state. The obtained knowledge about the world and deeper understanding of the causality of what is happening facilitated the process. From the political point of view, theology (a Christian doctrine) influenced the criminal law policy in Medieval Time.

The legislator regulated a range of subjects of the crime. In X - XI centuries, ancient ideas of strict liability were accepted in Europe. Crimes were divided into willful and not deliberate. The principle of the personal guilty is directly

related to the subject of the crime. Murderers, rapists, thieves, swindlers and others were declared criminals. Judicial practice of many times and peoples gives us numerous examples confirming the existence of views on the animal as a subject of crime.

Age limits of legal responsibility were defined as the minority, which is different from the social maturity, and sometimes old age, were considered the reason for the undisputed crime blamed of a crime to a subject. People under 14 years old could not be subjected to the death penalty, except when "malice can make up for the lack of age". The authors pay attention to the fact that the interests of healthy individuals guided medieval jurisprudence and medicine. They also regulated peculiarities of the healthy individuals' legal capacity, presence of dementia and mental illnesses, etc.

The mitigation of punishment in some cases when the fault of the subject of the crime was absent, fixing the criminal-legal significance of the motive of the crime, intent and some other subjective features in the legislation were a progress.

Studies of the Medieval European States shows that the legislator at that time did not formulate general signs of the subject of the crime and did not know the criminal legal concept of strict liability. However, there was a need to solve the problem.

Thus, the paper discusses the essence of the criminal legal significance of the corpus delicti, its place in the criminal law and law enforcement practice. The authors used scientific literature of both foreign and Russian

Key words: subject of crime, of strict liability, comparative law, medieval Europe; selection; "Laws of Cnut the Great".

DOI: 10.21869/2223-1560-2017-21-3-167-175

For citation: Molchanov B.A., Novikov M. V., Subjective signs of the composition of crimes in the laws of the states of medieval Europe, Proceeding of Southwest State University, 2017, vol. 21, no. 3(72), pp. 167-175 (in Russ.).

Reference

. Vinchesterskij statut // Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: v 2 t. T. 1. Drevnij mir i srednie veka / otv. red. N.A. Krasheninnikova. M., 2003.

2. Zakony korolja Knuta // Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: v 2 t. T. 1. Drevnij mir i srednie veka / otv. red. N.A. Krasheninnikova. M., 2003.

3. Spasennikov B.A. Pravovaja antropologija (ugolovno-pravovoj aspekt) / pod red. zasl. dejatelja nauki RF, dokt. jurid. nauk, prof. I.Ja.Kozachenko. Arhangel'sk, 2001.

4. Kistjakovskij A.F. Jelementarnyj uchebnik obshhego ugolovnogo prava. Chast' Obshhaja. Kiev, 1882.

5. Kutjomy Bovezi. Gl. 30, § 828. /Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: v 2 t. T. 1. Drevnij mir i srednie veka / otv. red. N.A. Krasheninnikova. M., 2003.

6. Pravda korolja Al'freda. St. 13. // Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava

zarubezhnyh stran: v 2 t. T. 1. Drevnij mir i srednie veka / otv. red. N.A. Krasheninnikova. M., 2003.

7. Sakonskoe zercalo. Zemskoe pravo. Kn. 3, st. 3. // Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: v 2 t. T. 1. Drevnij mir i srednie veka / otv. red. N.A. Krasheninnikova. M., 2003.

8. Salicheskaja pravda. Gl. XIV, § 2, 3.; gl. XI, XII // Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: v 2 t. T. 1. Drevnij mir i srednie veka / otv. red. N.A. Krasheninnikova. M., 2003.

9. Fel'dshtejn G.S. Uchenie o formah vinovnosti v ugolovnom prave. M., 1903.

10. Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: v 2 t. T. 1. Drevnij mir i srednie veka / otv. red. N.A. Krasheninnikova. M., 2003.

11. Jekloga. Titul V, st. 1. // Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: v 2 t. T. 1. Drevnij mir i srednie veka / otv. red. N.A. Krasheninnikova. M., 2003.